

© 2021. Л. А. Сапченко

Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова
г. Ульяновск, Россия

**«Я не безмолвствовал...»
(об особенностях гражданской позиции Н. М. Карамзина)**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-012-00292 А
«Н. М. Карамзин и его окружение»*

Аннотация: В статье исследуются формы и способы проявления гражданской позиции Н. М. Карамзина. Новизна подхода состоит в том, что заявленная проблема рассматривается в контексте литературной эволюции писателя, в хронологической последовательности, а также в аспекте адресации. Автор анализирует оды Карамзина, посвященные российским правителям, «Историческое похвальное слово Екатерине II», исторические очерки, публицистические статьи, «Историю государства Российского», записку «О древней и новой России...», «Мнение русского гражданина», а также прямые устные и письменные обращения историографа к императору Александру (разговоры с ним, письма к нему). В ходе изучения выявляется образ русского историка-гражданина, провозглашателя истины, мудрого наставника, который предстает посредником между народом и властью, указывает монарху и соотечественникам конкретные направления и способы деятельности. В итоге становится очевидным переход Карамзина от мифологизации российских правителей в жанре оды и «Историческом похвальном слове Екатерине» к документальной обоснованности и строгости в их оценке, к прямым наставлениям царю в записке «О древней и новой России...», в «Мнении русского гражданина» и, наконец, к красноречивому безмолвию.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, гражданская позиция, формы проявления, жанры, образ автора, историк-гражданин, историография.

Информация об авторе: Любовь Александровна Сапченко, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, площадь Ленина, д. 4/5, 432071 г. Ульяновск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7982-0893>

E-mail: ssj-sla@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 30.06.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 14.08.2021

Дата публикации статьи: 25.12.2021

Для цитирования: Сапченко Л. А. «Я не безмолвствовал...» (об особенностях гражданской позиции Н. М. Карамзина) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 4. С. 6–23. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-6-23>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 4, 2021, pp. 6–23. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 4, 2021, pp. 6–23. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. **Liubov A. Sapchenko**
Ulyanovsk State Pedagogical University
named after I. N. Ulyanov,
Ulyanovsk, Russia

“I Kept No Silence...” (on the Peculiarities of N. M. Karamzin’s Civil Position)

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), number 19-012-00292 A “N. M. Karamzin and his entourage”.

Abstract: The article examines the forms and methods of manifestation of Karamzin’s civic position. The novelty of the approach lies in the fact that the stated problem is considered in the context of the literary evolution of the writer, in chronological sequence, as well as in the aspect of addressing. The author analyzes odes dedicated to Russian rulers, “Historical praise to Catherine II”, historical essays, journalistic articles by Karamzin, “History of the Russian state”, a note “On ancient and new Russia...”, “Opinion of a Russian citizen”, as well as the historiographer’s direct oral and written appeals to Emperor Alexander (conversations with him, letters to him). In the course of the study, the image of the Russian historian-citizen, proclaimer of truth, a wise mentor, who appears as an intermediary between the people and the government, indicates to the monarch and compatriots specific directions and methods of activity, is revealed. That makes obvious Karamzin’s transition from mythologizing Russian rulers in the genre of ode and “Historical Praise to Catherine” to documentary substantiation and rigor in their assessment, to direct instructions to the tsar in the note “On Ancient and New Russia...”, in the “Opinion of a Russian Citizen” and, finally, to the eloquent silence.

Keywords: N. M. Karamzin, civic position, forms of manifestation, genres, image of the author, historian-citizen, historiography.

Information about the author: Liubov A. Sapchenko, DSc in Philology, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, 4/5 Lenin Square, 432071 Ulyanovsk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7982-0893>

E-mail: ssj-sla@mail.ru

Received: June 30, 2021

Approved after reviewing: August 14, 2021

Published: December 25, 2021

For citation: Sapchenko L. A. “I Kept No Silence...” (on the Peculiarities of N. M. Karamzin’s Civil Position).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 4, 2021, pp. 6–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-6-23>

На протяжении всей жизни Карамзина его гражданская позиция оставалась активной и конструктивной, но при этом менялись ее содержание и формы. Что касается самой направленности его гражданской позиции, то она достаточно хорошо изучена, причем специфической ее чертой является парадоксальность: патриот и русский европеец, республиканец в душе и верноподданный царя русского, монархист и либерал, убежденный государственник и воплощение внутренней свободы личности.

Новизна подхода к известной теме состоит в том, что проблема рассматривается здесь с точки зрения форм и способов проявления гражданской позиции Карамзина, в аспекте жанра и адресации.

С течением времени менялся общественный статус Карамзина: начинающий писатель — издатель журнала — признанный автор — историограф государства Российского — друг царя. Претерпевала изменения жанровая система Карамзина как литератора, и одновременно с этим иными становились формы и способы проявления его гражданской позиции. Карамзин-гражданин предстает как поэт, оратор, журналист, историограф и патриот России. С точки зрения жанра мы видим своеобразную эволюцию: вначале оды, затем панегирик Екатерине II, затем публицистические статьи, прямые обращения к императору (записка «О древней и новой России...», «Мнение русского гражданина»), после — «История государства Российского» и, наконец, письма к Александру I, разговоры с ним.

Если обратиться к жанру торжественной оды в творчестве Карамзина, то известное выражение «поэт и гражданин» вполне может быть применимо к автору. Речь идет о карамзинских стихотворениях, адресованных русским императорам и императрицам. В оде «К милости» (1792) поэт, сам находясь под подозрением, завуалированно призывает Екатерину к помилованию Новикова и его соратников, а кроме того, в поэтической форме излагает свое политическое credo [Лотман: 20–21].

Для автора оды несомненно то, что благоденствие державы основывается на единстве милосердного царя и преданного ему народа. Между тем лексический состав стихотворения («право», «свобода», «гражданин», «народ») невольно вызывает ассоциации с Декларацией прав человека и гражданина. Условием процветания нации становится в оде гарантия этих прав, обеспеченная властью просвещенного монарха. Обращаясь к правительнице, поэт убеждает ее, что покой державы «дотоле» невозмутим, «доколе» соблюдаются права народа, «доколе» он может свободно размышлять и высказывать свое мнение, «доколе» власть ему доверяет [Карамзин 1966: 111].

В ноябре 1796 г. Карамзин пишет «Оду на случай присяги московских жителей его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому». Перед нами не очередной хвалебный гимн. Это поэтически сформулированная для властителя программа его деятельности. Создаваемый в стихотворении политический идеал ближе всего соотносится с конституционной монархией, а по сути сближается с идеалом нравственным, основанием которого провозглашаются совесть, закон, правда. Павел должен предстать как олицетворение мудрости и доброты, свободы и милосердия. Правитель славен не столько «щедротами», сколько «светом». Таким образом, упомянутая в заглавии «присяга» дается, по существу, истине и добродетели, человеколюбию и справедливости.

Поэт и историк в этой оде — носители активной гражданской позиции. Автобиографическому образу певца и историка Карамзин посвящает отдельную строфу, определяя их священную миссию:

Кто, чувством сердца вдохновенный,
Усердьем к трону восхищенный,
Гремит народу: «Царь отец!»
Гремит, и в сердце проникает,
Гремит, и слезы извлекает?
Питомец нежный муз — певец.
Кто память добрых сохраняет,
С потомством дальним заключает
Монархов дружеский союз?
Историк: он питомец муз [Карамзин 1966: 187].

Поэт адресуется к чувствительным сердцам своих современников, историк — к дальнему потомству. Поэт слагает торжественный гимн («гремит»), историк — эпическую поэму (повествует о минувшем).

В 1801 г. Карамзин создает оду «Его императорскому величеству Александру I, самодержцу всероссийскому, на восшествие его на престол». В оде вновь провозглашается идеал монаршей милости и любви к народу. Что же касается граждан, верных патриотов, то их преданность царю и отечеству неотделима от готовности провозгласить перед царем нелицемерную истину во имя добра и справедливости [Карамзин 1966: 264].

В оде «На торжественное коронование его императорского величества Александра I, самодержца всероссийского» (1801) снова звучит тема взаимной любви и единства царя и народа. Политическое и нравственное благоденствие — цель большинства гражданских выступлений Карамзина, стремящегося навсегда примирить власть и народ, воодушевить их к исполнению гражданского долга.

Созданное также в 1801 и напечатанное 1802 г. «Историческое похвальное слово Екатерине II» было, как известно, напрямую связано с воцарением ее внука, Александра I, объявившего себя продолжателем ее политики. Упомянутые торжественные оды и похвальное слово Екатерине II выходили отдельными изданиями и преподносились государю, что придавало им статус не литературной новинки, а гражданского акта.

В «Слове...» Карамзин излагает свое понимание человеческой истории в целом, которая есть результат действия «великих душ, полубогов человечества». «Если сердце Государей в руке Провидения, то сердца народов в руке Государей», — пишет Карамзин [Карамзин 1848: 368]. Исполняя непостижимую волю Провидения, они решают судьбы миллионов людей. «Жизнь их есть история народов» [Карамзин 1848: 276–277]. Эти высказывания восходят к сочинениям французского писателя и епископа Ж.-Б. Боссюэ (из которого Карамзин делал пространные выписки), а через него — к книге Притчей Соломоновых. Благоденствие и процветание России есть результат «великих свойств ума и души» ее государей [Карамзин 1848: 369].

Мудрецу отведена роль зрителя. Однако, не принимая бездействия, Карамзин вновь следует за Боссюэ, который писал, что могущество, слава, возникновение и гибель, победы и падение государств зависят

от воли Провидения и оно же «руководит действиями мудрых государей», но те, кто думает о судьбах человечества, не могут оставаться лишь праздными зрителями: «нашими действиями, как бы они ни казались нам самыми малозначущими, должна управлять любовь к отечеству» [Лыжин: 161–162].

О том, что Карамзин в «Историческом похвальном слове Екатерине II» имел намерение не только (а, может быть, и не столько) прославить императрицу, но, главным образом, преподать исторический урок, дать «наставление» восшедшему на престол Александру I, указать ему важнейшие направления государственной политики, говорил М. П. Погодин в «Историческом похвальном слове Карамзину» (1845) [Погодин: 21]. Именно поэтому Карамзин освещает лишь те начинания и свершения Екатерины, которые непременно должны были получить продолжение в новом царствовании. Между тем погодинская интерпретация вызвала возражение цензуры, когда автор представил свою речь для публикации. Цензор счел, что это место необходимо изменить, поскольку «Преподавание наставлений Государю никогда не было возлагаемо на особ, ниже звания Регента»¹. Отмеченная Погодиным гражданская смелость Карамзина, даже спустя сорок с лишним лет, казалась цензору дерзкой и непозволительной.

В первые годы царствования Александра I гражданская активность Карамзина переживает явный всплеск и находит выражение в многочисленных журнальных публикациях. Этот период деятельности Карамзина специфичен тем, что в статьях «Вестника Европы» он адресуется не только к монарху (как обычно), но и к патриотам России, призывая их к служению на благо отечества.

В своей статье «О новых благородных училищах, заводимых в России» Карамзин, с прискорбием говоря о дороговизне наемных (французских и немецких) домашних учителей, о трудности найти среди них «хорошего», утверждает, что этот вопрос достоин внимания правительства. А пока он предлагает свои способы решения проблемы, хотя прекрасно отдает себе отчет, что оно («наше мудрое правительство») [Карамзин 1802: 362] не нуждается в советах. Между тем публицист уверен, что граждане России имеют право рассуждать, высказывать

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 231. Пог. I. Оп. 25. Ед. хр. 54 а-д.

свое мнение, искать выходы из создавшейся ситуации, говорить о потребностях воспитания, прежде всего — нравственного, поскольку именно оно составляет основу «частного и государственного благоденствия» [Карамзин 1802: 363].

Любопытно, что и в «Похвальном слове...», и в публицистике «Вестника Европы», и в других сочинениях Карамзина, появившихся после воцарения Александра I, идеальный образ государя предстает у него в облике юноши, стоящего на пороге великих свершений. Даже Екатерину он уподобляет юному Алкиду, «который, в тишине собирая силы, утверждая мышцы и рамена свои, готовится предпринять геройские подвиги» [Карамзин 1848: 280].

Созерцая мысленным взором Александра I, Карамзин в статье «О любви к отечеству и народной гордости» называет символом современной ему России «пылкого юношу» с полным жизни сердцем, с любовью к деятельности и с девизом «труды и надежда!» [Карамзин 1984: 230].

В статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» автор обращает внимание читателей на то, что наступившая после Французской революции ныне переживаемая эпоха, как никакая другая, обещает политическое и нравственное благоденствие. Радикальные проекты переустройства общества доказали свою умозрительность, несбыточность и — более того — обнаружили свое разрушительное воздействие. Гражданская мудрость состоит в том, чтобы хранить исторически сложившийся порядок вещей, который имеет свои основания, и не допускать анархии. Благодатный союз правителей и мудрецов должен, по мнению автора статьи, привести к процветанию отечества.

Заглавие статьи определяет ее трехчастную тематическую композицию: виды, надежды и желания.

«Приятные виды», т. е. суждения о том, что есть «настоящее», «современность», — даны в свете желаемого будущего. Характерному словесному ряду («теории», «химеры», «остроумие», мечты, игра воображения) противопоставляется понятие «настоящее», которое, однако, дано не в самой своей реальности и сущности, а в свете приятных надежд на будущее.

«Приятные виды» нынешнего времени вселяют «надежды», но они могут осуществиться лишь через деятельность российского дворян-

ства. Дух времени, в чем убежден был Карамзин, требует своих героев. Героем времени, считает автор, должен стать не «флегматический скептик» [Карамзин 1803. 8: 318], а молодой человек с «решительным образом мыслей», т. е. способный к действию [Карамзин 1984: 219].

Поэтому третья смысловая часть («желания») есть, по сути, предписания и для дворян, и для правительства: установление порядка общественного и внутреннего, благоустройство в идеях, в домах, в хозяйственных делах. «Желания» становятся своего рода программой действий, необходимых для процветания отечества. Как это делали поэты XVIII столетия и сам Карамзин в своих торжественных одах, в статье предлагаются монарху основные направления его деятельности: полное, методическое собрание ясных и мудрых гражданских законов, просвещение, воспитание юношества.

Одическая «матрица» сохраняется, таким образом, и публицистике «Вестника Европы». Высказывания автора о нынешнем положении государства Российского (блеск славы, уважение в политической сфере), о его прошлом и настоящем (обширность его пространств, величие и несокрушимость российского колосса), о предназначенной судьбой исторической миссии России (быть «истинною посредницею народов», нести в мир добро), о юном царе, исполненном желания принести своему народу свободу, установить мир, развивать науки, давать мудрые законы, — всё это вполне соотносимо с признаками одического жанра, воссоздающего утопию просвещенной монархии.

Исходя из концепции счастья как творения добра, Карамзин, восхваляя, поучает и называет важнейший принцип правительственных и гражданских действий россиян: благо отечества. При этом он указывает конкретные направления деятельности и предлагает способы решения проблем.

Принципиальное значение имеет также статья Карамзина «О Московском мятеже в царствование Алексея Михайловича» (1803), адресованная, по всей своей внутренней логике, императору Александру I.

Ручаясь за абсолютную достоверность описания, Карамзин, тем не менее, превращает исторический очерк в очередное политическое наставление правящему монарху. Автор очерка соотносит его с образом идеального государя, обладающего «чувствительным» сердцем, и сопоставляет действия властителя с принципами идеального правления

как «царства милости и правосудия», как единоначалия, не полагающегося всецело на своих льстивых и корыстолюбивых чиновников. Царь Алексей Михайлович у Карамзина «с Ангельскою кротостию» заявляет народу, что исполнители монаршей воли, заменившие тех, кто употребил во зло священную власть закона, будут руководствоваться уставами «человеколюбия и справедливости», и всё государственное управление будет находиться под бдительным надзором монарха [Карамзин 1803. 18: 139]. Сама ситуация мятежа, воссозданная в очерке, почти лишена полутонов в описании отношения народа и власти друг к другу: либо жесткое противостояние, либо взаимная любовь и доверие. Выражение «Ангельская кротость» недвусмысленно указывает на недавно воцарившегося «кроткого» Александра I, величаемого современниками «Ангелом».

Автор статьи исходит из того, что монарх самодержавный, милостивый и справедливый отец отечества, не может желать «народного притеснения», ибо его личное благо не может быть противно благу общему.

Очерк примечателен еще и тем, что здесь Карамзин вновь создает образ чуждого лести русского историка, чье слово звучит как неподкупный голос истины: «Русский историк, с умилением прославив добродушие монарха, заметит, что оно перешло за границы государственного блага, которое в таких несчастных обстоятельствах утверждается более непоколебимым мужеством власти, нежели ея снисхождением. Народ слеп и безрассуден: решительностию Правителей он должен быть сам от себя спасаем» [Карамзин 1803. 18: 135]¹.

Однако нельзя не отметить, что суждение русского историка о пагубных последствиях добродушия русского царя было обусловлено в данном случае политической ситуацией во Франции. Как пример твердого государственного мужа воспринимался тогда Наполеон, своей *решительностью* остановивший разрушительные действия революции.

Суровому приговору историка, указавшего на опасность мягкосердечного правления, противостоит в статье другая точка зрения: «пленительная мысль» писателя и человека, способного почувствовать «пылкую, юную душу» царя, оценить его искренность и доверие к народу, понять его единственное желание — быть отцом народа и жить лишь для его счастья.

¹ Здесь и далее сохранена орфография источника.

«Историк строгим саном своим обязан казаться иногда жестокосердным, и должен осуждать то, что ему как человеку любезно, но что бывает вредным в правлении, ибо люди не Ангелы! Отирая сладкие слезы свои, он скажет, что здравая политика, основанная на опытах и знании человечества, предписывала Царю Алексею Михайловичу совсем иные способы утешить мятеж...» [Карамзин 1803. 18: 142]. Строгий историк замечает, что «ужасный бунт» и «лютое иступление» народа происходят в царствование «государя доброго, милосердного, народолюбивого», тогда как «ужасы времен Царя Ивана Васильевича» народ «смирненно» и «великодушно» терпел [Карамзин 1803. 18: 120].

Другими словами, созданный в очерке образ историка-гражданина не вполне тождествен автору-человеку, сожалеющему, что «наука управлять государствами не одно с прекрасными движениями чувствительности». [Карамзин 1803. 18: 142]. Восприятие событий чувствительным автором не совпадает с точкой зрения сурового «Историка России», который может «казаться» жестокосердным, но который трезво осознает, в чем состоит «государственное благо», в чем была ошибка правителя, и единственной целью своей полагает «благотворительное нравоучение» [Карамзин 1803. 18: 120]. Через очерк проходит мысль о необходимости «мудрого советника» для «мудрого управления государством». Этим советником не мог быть знатный боярин или чиновник, так как челобитные утесненных юный и неопытный царь отдавал, не читая, «на рассмотрение боярам», которые, жертвуя государственным благом ради своих «ничтожных побуждений», не хотели или боялись обличать виновных и «всякую жалобу представляли ему в виде ложном» [Карамзин 1803. 18: 128].

В связи с этим стоит отметить, что на небольшом, в общем-то, пространстве текста автором неоднократно воссоздается прямой, без посредников (!) диалог царя и народа как путь к взаимному доверию.

Не чиновники, не бояре, а историк-гражданин предстает связующим звеном между народом и властью, ибо царь, «отделенный от народа Кремлевскою стеною, не знал, что делается за нею, и не слышал народного вопля» [Карамзин 1803. 18: 126]. Поэтому в карамзинской публицистике, в его исторических сочинениях юному монарху, чистому душой и полному сил неизменно сопутствует мудрый, «крепкий духом, непреклонный в советах» пестун, обязанный внушать молодому царю «правила твердой власти» [Карамзин 1998: 280].

Образ идеального правителя у Карамзина сочетает в себе не только юношескую силу, бодрость, но и способность прислушиваться к мудрым советам. Этим в значительной мере обуславливается присутствие в анализируемых текстах образа автора, провозглашателя истины, наставника, учителя. По-видимому, так позиционировал себя и сам историограф государства Российского. Необходимость союза бодрой, пылкой юности и твердого мужественного правления доказывается Карамзиным также в его записке «О древней и новой России», в том числе и на других примерах русской истории.

В 1803 г. Карамзин решает взять на себя труд по созданию истории Российского государства. Изучение прошлого, научное исследование минувшего не было самоцелью для писателя и гражданина. История должна была указать правителям и законодателям путь к будущему счастью сограждан, воспитать любовь к отечеству и народную гордость, примирить простого гражданина «с несовершенством видимого порядка вещей», сформировать нравственное чувство («государственную нравственность»), свершить праведный суд и расположить «душу к справедливости» во имя «блага и согласия общества» [Карамзин 1988–1989. 1: IX]. Посвящение «Истории государства Российского» Александру I было не только данью традиции. Создание «Истории...» мыслилось опять-таки как исторический урок гражданам России и как поучающее наставление ее правителю. Александр I был и первым читателем предпринимаемого Карамзиным творения.

Воображаемое Карамзиным-поэтом будущее России как храма муз и царства мудрости, как утопического золотого века у Карамзина-историка сменится правдивым показом царей-тиранов и эпох народных бедствий, однако он не терял веры в грядущее процветание отечества.

В карамзинской записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанной, по словам Пушкина, «со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого» [Пушкин 12: 45], оценка личности властителя определяется состоянием государства во время его правления. Именно этим обусловлена в записке сущность адресованных царю как уроков прошлого, так и актуальных рекомендаций на злобу дня: цель государственной политической системы — «одно благоденствие народа» [Карамзин 1998: 275]; основа благоденствия и нравственного могу-

щества государства — «дух народный» и просвещение, без нарушения древних уставов; условие единства власти и народа — нравственное достоинство государей, их верность «первоначальному завету», т. е. соблюдение своих обязанностей перед нацией.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что образ историка-гражданина, смело провозглашающего истину перед лицом царя, вновь (и не раз) появляется в «Записке». Карамзин, великодушно смягчая свой приговор, порой моделирует эту ситуацию как условную, сослагательную, т. е. если монарх нарушит законы Бога и совести, то, чтобы остановить его в сем превышении власти, найдется «истинный добродетельный гражданин российский» [Карамзин 1998: 295], который не станет безмолвствовать, а смело скажет ему об этом, но не будет «мятежничать» или «торжественно представлять лицо недовольного» [Карамзин 1998: 285, 327]. Россияне, пишет Карамзин, не молчали даже в ужасное царствование Иоанна Грозного: «великодушное остервенение против злоупотреблений власти заглушало голос личной осторожности» [Карамзин 1998: 293]. В правление Петра I несогласные также «дерзали порицать монарха» [Карамзин 1998: 284]. Как бы забывая о собственных торжественных одах, Карамзин оставляет похвалы «стихотворцам и придворным» (о себе он говорил в письмах: «Я не придворный!» [Карамзин 1866: 194]), а право вещать истину предоставляет первосвященникам (и, как видим, неподкупному российскому гражданину). Столь важное для государства согласие митрополита или патриарха с верховной властью должно быть, по Карамзину, следствием свободы и внутреннего убеждения, а «не верноподданнической покорности» [Карамзин 1998: 285].

На исторических примерах Карамзин показывает пагубность бюрократизма, умножения чиновничества, пренебрежения к национальным традициям, призывает «взять меры для обуздания господ жестоких» [Карамзин 1998: 313], слышать глас народа, помнить о грядущем суде потомства. В то же время автор «Записки» настаивает на необходимости создания мудрого законодательства и немедленного исправления ошибок руководства, не предавая, впрочем, их огласке, поскольку открывшаяся правда послужит к чести лишь благоразумным, т. е. людям «высшей нравственности». С этим связано важнейшее, с точки зрения Карамзина, умение властителя выбирать людей на государственные посты и заслужить доверие народа к этому выбору.

Считая не только бесполезным, но и вредным публично объявлять ошибки десятилетнего правления и всенародно указывать на заблуждения Александра I, Карамзин сосредоточивается на способах исправления создавшегося положения: монарху следует избегать излишнего администрирования, «искать людей» высшей нравственности, быть более строгим и сильным, нежели кротким и чувствительным. Чтобы Россия благословила Александра I, понадобится, по Карамзину, большое количество «если...»: если император предпримет меры, касающиеся ни больше, ни меньше как государственного устройства в целом, войны и мира, внешней политики и торговли, экономики и финансов, законодательства, спокойствия граждан.

Возвращаясь к «безмолвию верноподданного», Карамзин предоставляет право голоса прославившим себя великим умам прошлого и настоящего. Необычным способом преподнесения правителю необходимых для него истин, долженствующих предостеречь его от возможных ошибок, стал собственноручно составленный Карамзиным альбом, адресованный великой княгине Екатерине Павловне и содержащий выдержки из творений знаменитых европейских авторов, в которых были высказаны принципиальные суждения о человеке и государстве, об их взаимных обязанностях, о божественном мироустройстве и общем благе, о свободе и власти, о добре и зле. Большинство этих выдержек составитель поместил также в рукописный альбом, подаренный им императрице Елизавете Алексеевне в 1821 г. [Сапченко: 8–57].

Когда Наполеон приблизился к Москве, гражданская позиция историкографа проявилась в поступке. 23 августа 1812 г. Карамзин, оставшись в городе, писал жене: «...мне нельзя было поступить иначе, хотя пребывание мое здесь и бесполезно для отечества: по крайней мере не уподоблюсь трусам и служу примером государственной, так сказать, нравственности» (подчеркнуто Карамзиным. — Л. С.)¹.

Победа в Отечественной войне пробудила вновь поэтический дар Карамзина. В 1814 г., после длительного (в несколько лет) перерыва, Карамзин сложил торжественную оду «Освобождение Европы и слава Александра I (Посвящено московским жителям)». Ода, как это было и ранее, вышла отдельным изданием (СПб., 1814).

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 97об.

Отводя стихотворству и вообще беллетристике определенную роль, главным способом познания смысла бытия Карамзин все же считал исторические жанры, основанные на документальных свидетельствах. При этом поэзия ассоциировалась у него с воображением и вымыслом, а проза, наоборот, с истиной, верностью правде. Между тем 28 мая 1814 г. он писал императрице Марии Федоровне, что посылаемые для нее и для императора стихи излились из «сердца более, нежели из <...> воображения, и, против обыкновения поэзии, содержат в себе, кажется, одну истину» [Карамзин 1898: 33]. Сочинителю важно было подчеркнуть, что стихотворная форма, в которой проявилась гордость патриота, не помешала ему быть верным истине, т. е. увидеть и воспеть разительное действие Провидения, определившего историческую миссию России: одержать победу над злом.

Карамзин «не безмолвствовал» не только «во дни торжеств», но и в кризисные моменты его современности, чреватые, как он считал, пагубными последствиями для российской государственности.

17 октября 1819 г. Карамзин адресует Александру I «Мнение русского гражданина» (известное также под названием «Записка о Польше»), написанное в связи с тем, что император намеревался восстановить Польшу в ее прежних границах с восточной стороны.

М. А. Дмитриев, вспоминая об обстоятельствах создания записки, отмечает озабоченность императора и его потребность в доводах историкографа, которого он отозвал к окну прямо «на бале» и который был предельно взволнован как самой темой разговора, так и планами Александра I. «Карамзин с жаром начал возражать государю; но заметив, что на него обращают внимание, просил позволения изложить свои мысли об этом предмете в краткой записке» [Дмитриев: 63–64]. Мемуарист подчеркивает смелость и красноречие Карамзина, неоспоримость его аргументов и достоверность приведенных исторических свидетельств.

Сам факт подачи государю записки, выражающей мнение, не согласное с августейшей точкой зрения, уже имел место в биографии Карамзина-гражданина, подвергнувшего критическому рассмотрению правителей «древней и новой России». Причем в ряде своих устных и письменных выступлений он говорил о праве истинного патриота иметь свое мнение и честно излагать его.

Новым было то, что составленное Карамзиным «Мнение» не исчерпывалось его точкой зрения на польский вопрос. Автором записки

была проведена четкая граница между христианской моралью и политическими принципами, имеющими совершенно другие основания. В своих рукописных альбомах, адресованных членам императорской фамилии, Карамзин специально формировал раздел «Христианская политика», основанный на сочинениях знаменитых мыслителей, чьи высказывания сводились к одному: сердца и действия государей в руках Господа. Однако сам автор «Записки о Польше» не допускает следования христианским заповедям в политике и, что особенно парадоксально, не отдает решение польского вопроса на волю помазанника Божия, а, в сущности, запрещает императору поступить в отношении Польши так, как тот намеревался.

Таким образом, в 1810-е гг. у Карамзина определенно совершается переход от мифологизации исторических личностей к документальной обоснованности и беспристрастию в их оценке, от утопических проектов и торжественных славословий к нелюбимым указаниям на ошибки и пороки русских самодержцев, к предостережениям и прямым рекомендациям нынешнему царю в государственных делах.

Известно, что, приступив к «Истории...», Карамзин не обращался более к беллетристическим жанрам. И ранее, и в особенности теперь приоритетом пользовалась у него документалистика. В ходе работы над российской историей всё большую ценность в глазах Карамзина приобретают исторические свидетельства: письма (Екатерины Великой), записки (И. И. Дмитриева, А. В. Храповицкого), разговоры (Байрона) и др.

Соответственно этому свою позицию, свои наставления правящему монарху Карамзин продолжал излагать в жанрах собственно документальных и автодокументальных: в записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», в «Мнении русского гражданина», в прямых разговорах с Александром I, в письмах к нему, где адресант постоянно напоминал императору о его долге. 23 августа 1822 г. Карамзин пишет царю: «Вы служите орудием Провидению. <...> Стойте же на часах без усталости <...> бодрствуйте за всех нас, и ВАМ скажет спасибо история неумытная...» [Карамзин 1862: 28]. 5 октября 1825 г.: «Щастлив, кто заботится о благе миллионов! В этом смысле почти не имею к ВАМ жалости, хотя я и не камень» [Карамзин 1862: 36] и т. д.

В первые годы царствования Александра I Карамзин выражал уверенность, что при новом правителе мечты о прекрасном будущем

не смогут оставаться лишь мечтами. Тем не менее, это произошло. Не сбылись приятные виды, надежды и желания. Не дал результатов дружеский союз правителя и мудреца, т. е. самодержца и историографа. Не осуществился лелеемый идеал взаимной любви царя и народа, т. е. политического и нравственного благоденствия. Произошли перемены и в гражданском самосознании Карамзина. Его все более охватывало ощущение непредсказуемости будущего и непостижимости воли Провидения. Уже с 1818 г. слабеет твердое, казалось бы, намерение Карамзина быть советчиком императору Александру I: «ГОСУДАРЬ займется основанием лучшей администрации. Я стараюсь ничего не желать, кроме добра царю и царству; не умничать, не предсказывать, не предвидеть, а все оставлять на волю Божию» [Карамзин 1866: 254].

18 декабря 1825 г., подводя итоги своей жизни и адресуясь к потомству, Карамзин писал, что государь слушал его советы, но большей частью им не следовал. Тем не менее, для самого историка-гражданина было важно, что он «не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой Гурьевской системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о Министерстве Просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, — о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, — наконец, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные» [Карамзин 1862: 11].

После кончины императора, испытывая отвращение к тому, что пишут русские газеты об Александре I, которого Карамзин «любил как человека» [Карамзин 1858: 117], историограф выбирает *красноречивое безмолвие* [Карамзин 1897: 169]. Его попытка сказать свое слово об Александре I в Манифесте Николая I осталась безуспешной [Карамзин 1862: 19].

Карамзин всегда чувствовал личную ответственность за судьбу России. Направленность, способы и формы проявления его гражданской позиции менялись вместе с ходом его творческой эволюции. От торжественных од и похвальных слов российским правителям, от поэзии, понимаемой как сотворение воображаемого мира, он шел в своих гражданских выступлениях к публицистике и исторической прозе, т. е. к отражению действительности и правды, придавая все большее значение человеческому фактору и обращаясь к документальным жанрам как содержащим одну истину.

Список литературы
Источники

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М.: Тип. Грачева и К°, 1869. 299 с.

Карамзин Н. М. в переписке с императрицей Марией Феодоровной // Русская старина. 1898. № 10. С. 31–40.

Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Сочинения Н. М. Карамзина. Т. 1. СПб.: Изд-е А. Смирдина, 1848. С. 275–380.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 5, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева. М.: Книга, 1988–1989.

Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1862. Ч. 1. 240 с.

Карамзин Н. М. О верном способе иметь в России довольно учителей // Вестник Европы. 1803. № 8. С. 317–326.

Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Николай Карамзин. М.: Новатор, 1998. С. 269–332.

Карамзин Н. М. О Московском мятеже в царствование Алексея Михайловича // Вестник Европы. 1803. № 18. С. 119–145.

Карамзин Н. М. О новых благородных училищах, заводимых в России // Вестник Европы. 1802. № 8. С. 358–366.

Карамзин Н. М. Письма к брату Василию Михайловичу Карамзину // Атений. 1858. № 28. С. 110–118.

Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. 727 с.

Карамзин Н. М. Письма к князю П. А. Вяземскому (1810–1826) // Старина и новизна: исторический сборник. СПб., 1897. Кн. 1. С. 1–204.

Карамзин Н. М. Соч.: в 2 т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1984. Т. 2. 456 с.

Погодин М. П. Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 г., в собрании симбирского дворянства. М.: В тип. Августа Семена, 1845. 66 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. 12. 577 с.

Исследования

Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 5–52.

Лыжин Н. Альбом Н. М. Карамзина // Летописи русской литературы и древности. М.: Тип. Грачева и комп., 1858. Кн. II. С. 161–192.

Сапченко Л. А. «Дар искренней любви...» (Неизданный альбом Н. М. Карамзина) // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 8–57. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-12-8-57>

References

Lotman, Yu. M. “Poeziya Karamzina” [“Poetry of Karamzin”]. Karamzin, N. M. *Polnoe sobranie stihotvorenyy* [Complete Poems]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1966, pp. 5–52. (In Russ.)

Lyzhin, N. “Al’bom N. M. Karamzina” [“N. M. Karamzin’s Album”]. *Letopisi russkoi literatury i drevnosti* [Chronicles of Russian Literature and Antiquity], book 2. Moscow, Tipografia Gracheva i kompanii Publ., 1858, pp. 161–192. (In Russ.)

Sapchenko, L. A. “‘Dar iskrennei liubvi...’ (Neizdannyy al’bom N. M. Karamzina)” [“A Gift of True Love...’ (N. M. Karamzin’s Unpublished Album)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (12), 2019, pp. 8–57. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-12-8-57> (In Russ.)